

Иван Шадрин

Светлячок

18+

Иван Шадрин

Светлячок

«Автор»

2026

Шадрин И. С.

Светлячок / И. С. Шадрин — «Автор», 2026

На исходе XXI века солдат удачи Стас Сковоронский находит причину "завязать" с ремеслом. Обворожительная Зеленоглазка украла его сердце и помогла понять: жизнь может быть другой. Чтобы осуществить мечту, Стас решается на последнее задание. Простенькое дельце: вместе с группой наёмников "Стервятники" проникнуть на вражескую базу оккупантов и выкрасть ценного учёного. Он делал это сотни раз и сделает в последний. Но затерянная в глухом лесу секретная база Альянса полна сюрпризов: попасть в неё оказывается легко, а вот выйти, не сгорев в пламени невидимого оружия - уже не так просто. Из-за излишней доверчивости Сковоронский вместе со своими товарищами оказывается в смертельной западне, выбраться из которой помогут только отвага, смекалка и... научное знание.

© Шадрин И. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Светлячок

Глава

Светлячок

Поначалу всё шло как обычно, а потом люди просто стали сгорать заживо прямо на глазах. Но это потом. Мой день начался вообще по-другому. Я окончательно принял важное решение: завязать.

Мы лежали на простынях в Её квартире с видом прямо на пирамиду Университета, я тонул в Её зелёных, светящихся нефритовым светом, глазах и понимал, что если уж и переворачивать всё в жизни ногами вверх, то ради неё.

«Жизнь — это игра мечеными картами, но сегодня тебе достался флеш-рояль», — сказала как-то она жарким шёпотом, и я понял, что пропал.

Наёмнику вроде меня завязать непросто. Когда ты умеешь только воевать и при этом ты в розыске и у федералов, и у Альянса, карьеру офисного клерка не сделаешь. Не так много остаётся сторон, которые могли бы тебя приютить, но у меня были мыслишки, как всё обставить.

Чалов из южных мастерских уже заканчивал делать два пакета фальшивых документов. Пластик должен был подоспеть в среду, а в понедельник Чалов прислал цифры, по ним я заказал нам билеты на поезд до границы. Оттуда снова поездом в Пекин, а дальше — Сингапур, детка. Город, где всем всё равно, кто ты и откуда, если у тебя есть чем платить.

Я выбрал Сингапур, потому что она мечтала о нём. Она говорила: «вот заработаю, и в Синг — пить ледяной Слинг». Мне по большому счёту было всё равно куда — лишь бы с ней, так что Сингапур так Сингапур.

Чёрт, ещё два месяца назад я был негласным чемпионом в негласном чемпионате среди светлоградских «бордельеро», а теперь я мысленно прикидывал, как поромантичнее сделать ей предложение!

Всего пару месяцев назад спроси меня, в чём я вижу смысл жизни, я бы ответил что-то вроде «Стервятники — моя семья, а Альянс — мой враг. Вот и весь смысл». Но потом я встретил Зеленоглазку.

Что она не такая, как все, я понял в самую нашу первую встречу. Она как раз заканчивала краткий курс обучения вежливости для быдловатого штриха, позволившему себе лишнего в её адрес в баре. Пальцы агрессора были сломаны, он корчился на полу заведения, пускал кровавые пузыри из свёрнутого набок носа, плакал и молил о пощаде.

Мольбу она услышала, удалилась в уборную, вернулась оттуда со свежесмытыми руками и, как ни в чём не бывало, уселась на свой стул у стойки — допивать то, что она не допила.

Не знаю, что мной двигало, но тогда я решил: это идеальный момент, чтобы предложить ей выпить. Сначала она хмуро посмотрела на меня, потом поинтересовалась, небрежно мотнув головой в сторону поверженного врага, не хочу ли я присоединиться к спонтанному заседанию клуба сломанных носов тем вечером.

Я ответил, что-то дурацкое: я сказал, что питейный компаньон из меня лучше, если мой нос не сломан, а она сказала, что не бьёт людей с плохим чувством юмора, потому что жизнь их уже наказала. Я уже думал уходить, но она смягчилась и предложила остаться, потому что ей импонируют смелые.

Так мы и познакомились. В тот вечер мне пару раз всё же удалось удачно пошутить, а потом выяснилось, что мы оба любим тот фильм и эту видеоигру, а также вот ту кучу музыкальных групп, на которых выросли.

В Светлоград она приехала из Кёнигсберга по заданию одной из альянсовских корпораций — оценивать «перспективы постройки завода по производству удобрений» или что-то такое. Простой аналитик, которой папа привил любовь к боксу.

Уже позже я выяснил, что и Альянс и своего работодателя Зеленоглазка горячо ненавидит, но, как и многим из нас, оказавшимся в оккупации, эти чувства ей приходилось скрывать. Мы стали встречаться.

Оглядываясь назад, я до сих пор не понимаю, что в ней меня так тянуло. Иногда я думаю, что понял, но мысль вновь ускользает. Это как отчётливо видеть призрака боковым зрением, но когда пытаешься разглядеть его, он исчезает. Родство душ? Телесное влечение? Совпадение? Я знал её всего-то два месяца, а уже готов был круто развернуть свою жизнь, лишь бы не расставаться с ней после того, как её командировка закончится.

Я посчитал свои сбережения: должно было хватить месяца на четыре нормальной жизни. Достаточно времени, чтобы нам обоим найти работу и начать новую жизнь. Мне даже не обязательно было продолжать воевать: спрос на инструкторов с боевым опытом в наше беспокойное время стабильно высок в любой точке планеты. Она знала три языка, могла решать уравнения в уме и уже построила карьеру в крупной (хоть и принадлежащей скотам) компании. Найти нормальную работу Зеленоглазке было бы ещё проще.

— А что, если и правда Сингапур? — спросил я, когда она нагая вошла в комнату из кухни с двумя стаканами воды со льдом. Тёмные, слегка волнистые от влаги волосы девушки падали на высокую грудь.

— С тобой — хоть на край света, красавчик, — с иронией отозвалась она и протянула мне стакан. — Просто скажи «поехали», и я поеду.

— Я серьёзно.

Я взял воду и сел на кровати, коснувшись пятками холодной поверхности напольной плитки. Пить не спешил.

Зеленоглазка улеглась на смятую простыню, оперевшись на локоть, и пряди волос ленивым водопадом заструились к предплечью. Девушка сделала глоток и сказала, уставившись мне в глаза:

— Ну, и я тоже. Серьёзно.

Не отрывая от меня смелого взгляда, она снова пригубила воду и продолжила:

— Я девушка с амбициями. В «Агрикалча Кэпиталз» мне с моим статусом жительницы оккупированных территорий выше того, что у меня есть сейчас, не прыгнуть. Толерантное варшавское начальство не позволит. Так что да, красавчик, конечно, да. А ты потянешь такую авантюру?

Последнюю фразу она произнесла с хитрецей, будто подначивая.

Я усмехнулся, выпил воду залпом и поднялся на ноги, чтобы броситься на неё нежным хищником.

— Тогда не планируй ничего на следующую неделю, зай, — ответил я и подмигнул ей. Она ненавидела, когда её называют «зай».

Я совершил свой бросок, а она остановила меня у самого края, положив ладонь на мою грудь, и вновь уставилась в глаза. На этот раз без тени иронии. Серьёзно.

— Ты ведь не воздужанишь сейчас? А то ты такими перспективами сердце девичье-то не тревожь понапрасну. Могу ведь и не только нос сломать!

Я усмехнулся, чувствуя, как её ногти угрожающе впиваются в кожу на моей шее.

— Ты сама гляди не передумай, — сказал я, мягко, но настойчиво убирая её ладонь от своей шеи. — А то под Альянсом-то, может, без радости, но комфортно, тёпленько, понятно. А в Сингапуре — океан неизвестности.

С этой фразочкой я, возможно, перегнул. Почувствовал, как она пытается меня оттолкнуть. Я не стал ей мешать и откатился на простыни рядом. Теперь она нависла надо мной, и

её взгляд из изумрудного стал мрачно-болотным. Не то свет из панорамного окна перестал отражаться в её глазах, не то заполнила их праведная ярость.

— Я всегда отвечаю за свои слова, — произнесла она, делая заметные паузы.

В таком состоянии она была особенно прекрасна. Она злилась, я знал, но ничего не мог с собой поделать. Меня неотвратимо потянуло к её губам.

Рингтон терминала ворвался в тишину комнаты так внезапно, что я вздрогнул. Играл героический военный марш из одной древней военной компьютерной игры про космических десантников, в которую мы иногда рубимся с Термитом. Этот рингтон означал, что вызывает Шмидт, а такие звонки мне игнорировать нельзя. Пока нельзя.

— У аппарата, — произнёс я, мягко сбрасывая с себя руку Зеленоглазки и поднимаясь на ноги. Где-то на полу должны были валяться мои брюки.

— Придурки, общий сбор, — скомандовала Шмидт. — В штабе через час, отбой.

Звонок завершился. Шмидт никогда особо не любила долгие разговоры.

— Опасное задание? — спросила она, когда я оделся и собрался уходить.

Я обернулся, ожидая увидеть на её лице беспощадно-ироничную ухмылку. Но она транслировала серьёзность и даже беспокойство. От этого у меня в груди стало теплее.

— Не опаснее других, — отмахнулся я и раскрыл руки для прощальных объятий.

— Это тебе на удачу, — сказала она, — Его мне сделал мой отец, он говорил, что в трудное время, Светлячок укажет своим светом верный путь. Пусть он тебе поможет.

Она надела мне на шею амулет на кожаной тесёмке: маленького металлического Светлячка со стеклянным брюшком. Это было не совсем в её цинично-ироничном стиле, и оттого глубоко тронуло меня. Мне захотелось подарить этой женщине вообще всё, что у меня было. Подарила мне грошовый амулетик, а взамен забрала сердце.

— Спасибо.

— Возвращайся.

То, за чем Шмидт собрала нас тогда, мы планировали уже давно. Однажды Гиря, наш Большой Босс, появился в штабе и изложил суть.

— Очень быстрая и простенькая задачка, — сказал он, оперевшись своими волосатыми кулаками о наш обеденный стол. — Зайдёте на альянсовский объект, заберёте яйцеголового, покинете альянсовский объект, передадите учёного мне в обычном месте, получите сумку с деньгами.

Он сделал небольшую паузу и попутешествовал взглядом по нашим лицам. Вероятно, в поисках признаков понимания.

— Это исследовательская база. Оборудовали в старом, советском ещё бункере, — продолжил он, поочерёдно перемещая хмурый взгляд то на одного, то на другого. — Раньше была радарная станция, теперь — неизвестно что. Они только закончили её переоборудовать и считают, что секретность на их стороне, поэтому пока охраны там — что мышка нагадила, не больше десятка альянсовских солдат и четыре стандартных ОТА.

На словах про ОТА он со значением посмотрел на ТэТэ. Тот, как обычно, стоял на зарядке и никак не отреагировал на этот взгляд, потому что роботы не умеют реагировать на взгляды. Гиря посмотрел на ТэТэ, потому что именно он, оперативно-тактический андроид, обычно разбирался с другими оперативно-тактическими андроидами, ОТА.

В общем, «ворвитесь на очередную альянсовскую базу, обнулите охрану, заберите ценный груз, которым в том случае являлся какой-то сотрудник этого объекта с особыми знаниями в своей яйцеобразной голове». Как обычно. Такого или почти такого добра в послужном списке Стервятников (это мы так себя называем) — навалом.

За выполнение Гиря пообещал хорошие деньги. Реально хорошие — я мог бы устроить недельный тур по светлоградским борделями на этот гонорар и еще накачать тех новых жутко дорогих игр из «Игростора». Или поехать в Сингапур.

От миссии никто не отказался, поэтому мы, как обычно, около недели собирались с мыслями, планировали, закупались, отрабатывали тактики и всё такое. И вот настал день икс.

Когда я добрался до штаба, ребята уже вовсю собирались. Шмидт оделась в свой кевларовый комбинезон, стянула рыжие волосы в хвостик, закрепила короткоствольную винтовку в парк-зажимах на спине, а перед тем, как надеть тактические перчатки, намазала руки кремом. Надев перчатки, она похрустела костяшками. Шмидт у нас главная, она собирается раньше всех, а потом ходит и подгоняет остальных.

Голев в пятисотый раз проверил свой «ОЭМПЭ»: Огромный Мощный Пулемёт (серьёзно, он просто маньяк «Проверить Ещё Раз», а также маньяк, если рядом «Огромный Мощный Пулемёт»), затем — туго затянул ремни на латах и потрещал липучками на бронике, который надел прямо поверх майки. На его теле всё делалось туго. Когда эта гора мышц заходит в помещение, время замедляется из-за присутствия слишком массивного объекта. Закончив с защитой и пулемётом, здоровяк принялся начищать свои ботинки кремом. Я думаю, он псих по этой самой причине: Голев никогда не выходит на миссию в грязных ботинках.

Термит упаковал дроны и шашки пластида в старый рюкзак, застегнул молнию на коффе до самого подбородка, натянул чёрную лыжную шапочку на брови и поправил овальные очки с трещиной на правой линзе. Паренёк мог починить, собрать и разобрать что угодно. В свободное время, если не играл со мной в игры, он только и делал, что что-нибудь чинил. Но вот очки у него остаются треснутыми все те два года, что я его знаю.

ТэТэ снялся с зарядки, проверил боекомплект своего пистолета, прицепил оружие к магнитному держателю на бедре и надел свой «бушлат-до-пят». Эту штотку раздобыл роботу я, чтобы удобнее было скрывать его от слишком любопытных глаз. У ТэТэ человеческое лицо (симпатичное, по словам Шмидт), но на этом всё, а свободно разгуливающих оперативно-тактических андроидов не жаловали нигде, так что маскировка требовалась.

ТэТэ — наш трофей. Во время массового бегства федералов мы заметили, как один из транспортных дронов рухнул в поле неподалёку. Мы сразу выехали, чтобы чем-нибудь пожить (мы же Стервятники), и нашли там его. Он был в плохом состоянии, бредил, пел какую-то песенку из детского телешоу. Сначала мы просто хотели разобрать его на части, но Шмидт придумала кое-что получше: вместе с Термитом они его привели в чувство, и теперь этот ОТА воюет за нас.

— Сковородкин, ну тебя долго ждать-то? — пробурчал из лифтового холла Голев. Остальные стояли за его спиной, в нутре нашего грузового подъёмника и выжидающе смотрели на меня.

Это потому, что я всё не мог выбрать. Взять Меткую или же Стойкую. Меткая хороша, когда есть дистанции, и надо далеко стрелять; Стойкая была лучшим выбором когда дельце может развиваться по-разному, но стрелять из неё издалека не слишком удобно. В грядущем дельце могло быть и одно, и другое.

— Голев, я выбираю лучший инструмент, чтобы прикрывать твою стероидную задницу от лишнего свинца, — огрызнулся я.

— Ха! Инструмент! — воскликнул с нескрываемым сарказмом Голев, снял с крепления свою дуру и потряс ею. — Вот инструмент!

— Стас, ну, давай уже, время! — крикнула Шмидт. Стас — это я. И не Сковородкин, а Сковоронцев.

Да идите вы. Они вечно меня торопят, и поэтому я вечно что-то да забуду! Я снял оптику с Меткой и присоединил её вместо штатного окуляра Стойкой. Далеко не идеальный вариант, но выбирать дальше времени не было.

— Да, Стас, блин, поехали уже! — призвал Термит.

Термит у нас самый молчаливый и терпеливый. Так что если уже он кричит, значит, я и правда опаздываю. Я напялил амулет и с мыслями о Зеленоглазке бросился к лифту.

Мы погрузили снарягу в наш старенький внедорожник и расселись в салоне. Голев взялся рулить.

— Парни, надеюсь, вы все тщательно изучили план местности и объекта, — сказал Шмидт, обернувшись к нам с переднего сидения. — Восемь охранников и два ОТА. Бросаем тачку в точке эвакуации, аккуратно заходим, потом Термит делает «бум», устраним угрозы, находим нашего клиента и валим так, что пятки сверкают, пока не пришла кавалерия.

— А что там с яйцеголовым? — поинтересовался Термит, не глядя, буднично даже, прищипывая взрыватель к бруску взрывчатки изолентой. — Почему он такой ценный?

— Ты же знаешь, Гиря лишнего не скажет, так что просто ценный персонаж, которого нужно доставить куда надо живым, — отозвалась Шмидт, разглядывая своё лицо в пассажирском зеркальце.

— Нам такого знать и не надобно, — поддакнул Голев. Он жевал зубочистку и сосредоточенно следил за дорогой. — Лишь бы Гиря не забыл заплатить.

Это да. Мы хоть и помогаем сопротивлению и ненавидим Альянс, но только не бесплатно.

ТэТэ, как обычно, безучастно глазел в окно и будто бы не слушал разговоры. Хотя за месяцы совместных вылазок мы все привыкли к отстранённому поведению робота и уже почти не боялись, что однажды ночью он перережет нам всем глотки, ма-а-а-ленькие сомнения на этот счёт у меня оставались.

Внутри него жила условная симуляция человеческого сознания, подробная достаточно, чтобы он мог нормально самостоятельно действовать (например, моделировать и предсказывать поведение противника-человека в бою), но, как утверждала документация к похожим моделям, которую Шмидт обнаружила в сети, реальным самосознанием не обладают даже самые продвинутые ОТА. Даже несмотря на то, что с виду могут выглядеть разумными.

Впрочем, я в неразумности ТэТэ сомневался.

— И лишь бы Сквородкин опять не налажал! — добавил Голев, с подначивающей хмылкой посмотрел на меня в зеркало заднего вида и хмыкнул.

Это он про то, что в команде у меня репутация главного раздолбая. Голев вообще имеет привычку нелестно отзываться обо всех, кроме Шмидт. Особенно он не ненавидит ОТА, ТэТэ в частности. Полгода до бегства федералов Голев провёл в плену у Альянса. Там сделали что-то очень плохое, и это нечто связано как-то с ОТА. Сам Голев об этом никогда не рассказывал.

Но не о Голеве речь. Стоило здоровяку подшутить надо мной, как ТэТэ отвлёкся от пейзажа за окном и уставился прямо перед собой — в подголовник, который отделял робота от затылка Голева. В таком положении ТэТэ сидел несколько секунд, после чего снова вернулся к изучению происходящего за окном. Бьюсь об заклад, в тот момент ТэТэ размышлял, не свернуть ли задире шею.

Вот из-за вот вполне человеческих моментов я не уверен, что ТэТэ неразумен, поэтому сам стараюсь относиться к нему с уважением. На всякий случай.

«Исследовательский объект 424к, — зачитал вслух с экрана планшета Термит. — До оккупации числился секретной базой Минобороны. Противоракетная система «Заря»».

Обычно в наших миссиях у меня одна задача — метко стрелять в противников с разных расстояний. Поэтому я редко читаю все эти скучные брифинги, которые Шмидт рассылает всем перед вылазками. Ещё я не читаю их, потому что по пути на дело Термит обязательно на всякий случай ещё раз сообщает всем, с чем придётся иметь дело.

— После захвата Альянс не использует её по назначению, для чего использует — непонятно, — продолжила Шмидт.

— И наш учёный, Поль Чжен, хм, китаец, что ли, как-то с этим связан, — задумчиво произнёс Термит, глядя на экран планшета.

— Да какая разница, зачем нужен яйцеголовый, — заявил Голев, направляя машину с шоссе на просёлочную дорогу, тянувшееся через поле, поросшее высокой травой. — Если

объект секретный, значит, этот китаец что-то важное делает. Гирия продаст его федералам, он выдаст данные, федералы используют их когда созреют до контрнаступления. Правильное дело делаем, я и бесплатно на такое пошел бы. Вот тогда им покажем!

На последнем слове он оторвал от руля руку и потряс кулаком. Такой он, Голев. Верит в силу федеральной армии и её скорое возвращение.

— Всё мечтаешь, чтобы твои дружки, наконец, вернулись за тобой, дядя Владя, — не выдержал я.

— Ты следи за языком, прыщ! — взревел Голев, бросив на меня свирепый взгляд.

— А ты — за дорогой, — парировал я. — Такой большой, а в сказки о возвращении «удиралов» веришь. Надоело слушать.

— Клянусь, я тебя отмудохая, когда вернёмся.

На действия федерального командования мы с дядей Владей смотрели по-разному. С моей точки зрения, он слепой на оба глаза патриот. При отступлении его, дважды героя, опытного вояку, достойнейшего офицера, бросили в городе почти в одиночку встречать Альянс. Честный Голев остался, когда другие всё поняли и бежали. Он до сих пор верил и в непобедимость нашей армии, и в неминуемый контрнаступ.

У меня другая история. Когда Альянс подступил к городу, я ждал трибунала. Так бывает, когда ты узнаешь, что твой командир продаёт разведку противнику. Ты убиваешь за это командира при попытке бегства, но потом выясняется, что его начальство было в доле и что твои действия в мгновение ока из Поступка превращаются в Преступление, за которое карают четвертованием.

Хорошо, что я везучий, и Альянс разбомбил здание суда раньше, чем коррумпированные ублюдки успели порезать меня на лоскуты. Эти события, скажем так, крепко сформировали мои политические убеждения, которые регулярно сталкивались с не менее крепкими политическими убеждениями Голева.

— А если вы будете ссориться, то, может, и не вернёмся, — философски заметил Термит, поправляя свои расколотые очки на переносице и улыбаясь неуместно беззаботной улыбкой. — По крайней мере, не надо будет слушать вашу ругань.

Дальше я ругаться не собирался, просто мне нравится троллить Голева. Голев внутри тоже понимал, что от живого меня пользы больше, чем от мёртвого, и свои угрозы отмудохать, убить и скормить бродячим собакам в жизнь не претворял.

— Ритуальный обмен любезностями отставить, яйца подобрать, отсюда топаем пешком, — скомандовала Шмидт, когда дорога из полевой стала лесной. Ольга сверилась с картой на планшете и добавила, обратившись к Голеву:

— Тачку прячем здесь, только разверни её сразу, чтобы драпать было удобнее.

Мы разгрузились, Голев «припарковал» внедорожник в густом кустарнике. ТэТэ снял свой «бушлат-до-пят» и аккуратно сложил на заднем сидении. Без одежды он выглядел как суперкрутой терминатор-убийца из комиксов, которые любил читать Термит. За той лишь разницей, что ТэТэ — не из комиксов. Чтобы спрятать всю его уязвимую начинку, Шмидт напечатала броню по собственному дизайну. После этого с нами на миссии стал ходить чёртов киберниндзя, от одного вида которого можно наложить в штаны.

По просьбе Шмидт ТэТэ стал ломать достаточно высокие и пышные кусты, а потом сваливать их на машину во имя маскировки. Раньше этим занимались мы с Термитом, потому что Голев считал такие задачи задачами для салаг, но с появлением ТэТэ у меня образовались лишние пять минут на перекур. Термит вытащил из рюкзака трёх летунов — для разведки, а я проверил Стойкую, закинул её за спину и задымил.

— Скорее бы эта хрень тебя прикончила, — с презрением произнёс Голев, когда слишком глубокая затыжка заставила меня закашляться.

— Уж точно раньше, чем федералы вернутся, — нашёлся я, но тут же закашлялся вновь, серьёзно испортив эффект от удачной остроты.

Голев сделал шаг в мою сторону, как бы собираясь меня отмудохать, но Ольга сказала: «Так, погнались!», и мы погнались.

Карта говорила, что нам следовало двигаться около двух километров на северо-восток от места эвакуации. Лес здесь имел умеренную густоту, поэтому удавалось передвигаться относительно быстро. Дроны Термита парили в сотне метров впереди и транслировали изображение в ТэТэ, а он его анализировал, размечал, дополнял нужной тактической информацией и передавал на наши тактические окуляры.

Сам объект, судя по краденным альянсовским спутниковым снимкам, которые принёс с собой Гиря, располагался в чаще. Приземистое бетонное сооружение длиной около двадцати метров с узкими окнами-амбразурами — надземная часть объекта, восточная оконечность которого, служила также основанием для массивного купола радарной системы. На фото бетонная стена выглядела буквально «врезанной» в тело продолговатого скалистого холма с крутыми боками и буйной растительностью. Ни дать ни взять — древний военный бункер.

На военное прошлое объекта намекали и остатки высоченного трёхметрового бетонного забора, тянувшегося прямо в лесной чаще слева и справа от бункера. Забор указывал на громадные размеры, которые когда-то имел комплекс. От надземной части бункера до забора было не менее двухсот метров в каждую сторону. В длину забор тянулся не менее чем на пятьсот метров. Если представить, что вся территория базы — это громадное футбольное поле, то надземная часть бункера — это ворота, а остатки забора — это левый и правый фланги. Мы шли с противоположной части «поля», на которой стена была разрушена.

Мы шли цепочкой. Первым двигался ТэТэ, у которого имелись самые точные картографические данные от дронов, за ним — Голев, Шмидт, Термит и я, замыкающий. По мере того как на счётчике расстояния, нарисованном в моих окулярах, убывали цифры, я выглядывал из-за спин товарищей, надеясь заметить очертания бункера впереди.

А ещё я пытался понять, почему от окружавшего меня леса по затылку бежали мурашки, а в животе становилось нехорошо. Вроде обычный июньский лес: развесистые исполинские ели, мощные дубы, прямые осины; хаотичные зелёные взрывы кустарника там, где деревья не забирали у остальных растений весь солнечный свет. Шум ветра где-то высоко наверху и... тут я понял. Мне хотелось бы добавить этому описанию что-то про пение птиц и писк мошканы, жужжание стрекоз и так далее, но я не мог, потому что ничего этого не было.

— Ребята, а где птицы? — спросил я.

Мои товарищи почти разом задрали головы и стали озираться.

— В смысле? — озадачилась Шмидт.

Термит остановился и пытался разглядеть что-то наверху. Он хмурился, прислушиваясь. Остановились и остальные.

— Нету птиц, — растерянно произнёс паренёк.

Голев, заметив, что остальные отстали, хмуро уставился на меня.

— Ну нет и нет, — буркнул он, но по его недовольному лицу можно было предположить, что и он это слышал. Вернее, не слышал.

— И комаров нет, мух, жучков, — продолжил я. — Я ни одной паутины пока не встретил, хотя здесь плети — не хочу.

— Сковордкин, мы что тут в юннатов играем или как?! — фыркнул Голев. — Какие на хрен жучки-паучки?!

Мы двинулись дальше. По-хорошему Голев был прав. Какая разница, были в том лесу птицы и комары, если наша задача — просто поубивать альянсовскую шваль и забрать ценный мозг. И всё же чем дальше я шёл, тем больше мне на нервы действовала неестественная зву-

ковая картина леса. Кто-то словно вырезал из привычного саундтрека неотъемлемый паттерн, и его отсутствие кричало о себе.

— Я обнаружил птицу, — объявил ТэТэ, прервав мои размышления.

Я уже было обрадовался: конечно, это просто паранойя. Обычный лес. Только ТэТэ смотрел не в небо, где обычно ожидаешь увидеть птиц, а себе под ноги.

— Недавно умерла, — констатировал Термит, присев возле тушки молодой утки. — Тело целое, но кровь...

Не то чтобы я не видел мёртвые тела прежде, но когда видишь целую, здоровую с виду, но стопроцентно мёртвую утку, у которой вместо глаз — кровавое месиво, становится не по себе.

— Радарная травма, может быть? — предположил Термит, разглядывая птицу.

— Так ведь не используют по назначению, — вспомнил я слова Шмидт.

Про радарную травму солдату армии, служащему в войсках ПВО (да и в любых других войсках), нужно знать одно: держись подальше, если радар работает, иначе узнаешь, каково это — быть попкорном в микроволновке.

— Это объяснило бы отсутствие птиц, — заключила Ольга.

— И не слишком что-то меняет для нас, — добавил раздраженно Голев. — Двигаем?

Это, конечно, меняло многое для нас. Если там, впереди, нас ждала исправная антенна противовоздушной обороны, то если она заработает, мы узнаем об этом по массе неприятных ощущений по всему телу. И они будут тем более неприятными, чем ближе мы к ней окажемся. Если мы окажемся слишком близко, то велик шанс, что добежать до границы безопасного радиуса в пару сотен метров, мы не успеем. От этой мысли стало тревожно. Мне очень хотелось с Зеленоглазкой в Сингапур, а не в одиночку — в морг.

Я поделился своими соображениями с командой.

— У нас же есть дроны, — напомнил Термит. — ТэТэ, ты видишь что-то похожее на радар?

— Отрицательно, — моментально отозвался робот. — Но ландшафт целевой территории из исходных данных от Гири не соответствует реальному.

— В смысле? — удивилась Шмидт.

ТэТэ передал изображение с дронов в наши окуляры. Дроны находились совсем близко к объекту 424к. Я узнал придавленную холмом бетонную полосу и остатками купола в восточной оконечности. Но вот пространство перед бункером имело совсем иной вид. Вместо густого леса мы увидели огромную, не менее сотни метров в диаметре, округлую площадку. На её территории не росло ни одного дерева, ни одного кустика или самой жухлой травинки. Поверхность округлой площадки не была ровной. Тут и там на ней возвышались холмики, вероятно, указывавшие на места, где прежде росли деревья. Почва на площадке напоминала пепел. Что-то словно выжгло круглую площадку перед бункером.

Вдоль краёв странной поляны стояли шесть военных фур с альянсовскими опознавательными знаками. Окрашенные в тёмно-зелёный прицепы фур имели прямоугольную форму и не давали абсолютно никакого представления о своём назначении — ни надписей, ни следов какого-либо специфического оборудования.

— Судя по спутникам, здесь должен быть лес, — отметил Термит.

— Вряд ли эти грузовики привезли сюда консервы для персонала, да, ребят? — сказал я.

— Не знаю, — отозвалась Шмидт, — но что-то мне подсказывает, что выходить на эту поляну не стоит.

И это было мудрое предположение не только потому, что что-то уничтожило всё живое в диаметре круга, символично обозначенного загадочными грузовиками. Исчезнувшие деревья лишили нас возможности скрытно подобраться к цели.

Достигнув места, где растительность начинала стремительно редеть, мы остановились. Чем ближе к пепельной поляне, тем меньше росло травы и кустов, а листья на тех, что всё

же продолжали расти, были бледными и будто бы изъеденными чем-то агрессивным — не то кислотой, не то ожогами. То же было и с деревьями. Те, что росли у самой кромки, сбросили листья и выглядели мёртвыми.

Миссия «как обычно» стремительно переставала быть таковой.

— На холме ландшафт соответствует разведанным, — обратил внимание робот. — Предложение изменить маршрут и обойти потенциально опасную местность, чтобы попасть на объект с левого фланга.

Мы двинулись в обход. По пути нам удалось подобраться на достаточное для сенсоров ТэТэ расстояние к грузовикам.

— Видишь что-то необычное в грузовиках? — поинтересовалась Шмидт, глядя на то, как ТэТэ уверенно шагает по новому маршруту, и как его голова поворачивается, фиксируясь на фуре. Она виднелась меж стволов умирающих сосен в сорока метрах от нас.

— Электромагнитная картина нетипичная, — ответил он. — внутри есть источник эм-излучения. Сигнатура мне не знакома.

— Наверное, какие-нибудь очередное экспериментальное железо Альянса, — предположила Шмидт.

— Если это оно творит такой беспредел, и наш яйцеголовый знает, как эта штука работает, то лучше бы нам побыстрее достать умника и передать Гире! — сказал Голев.

Мне уже совсем не хотелось доставать никаких яйцеголовых и кому-либо их передавать. Не поймите неправильно, я не трус. Жизнью рисковать мне не привыкать, но даже это нужно делать подготовившись. В подготовку может входить, например, знание о том, какое оружие против тебя использует противник. Одно дело — обычные наёмники Альянса. Они бывают разного уровня подготовки, но на любого можно найти управу. Даже с ОТА можно разобраться, если выбрать правильные инструменты. Совсем другое дело — безмолвный лес, мёртвая утка, выжженное поле, зловещие фуры. Я понятия не имел, что делать со всей этой информацией: как её интегрировать в мои тактические планы. И это нервировало до чёртиков.

— Противник на двенадцать, десять и два часа, — объявил ТэТэ, резко остановившись. — Расстояние...

Про расстояние я уже не слушал, потому что всю информацию, включая местоположение противника и расстояние до него, он уже транслировал на окуляры.

— Они заметили наши дроны? — спросила Шмидт, снимая с крепления винтовку.

— Пока что не вижу этому подтверждений.

В подкрепление этой фразе ТэТэ показал три картинки с дронов. На каждой из них изображался альянсовский пехотинец. Один (тот, что на десять часов и самый близкий к нам) стоял, оперевшись спиной о ствол дуба, сложив руки на цевьё автомата, который висел у него на шее. «Двенадцатичасовой» противник неспешно шёл среди деревьев примерно в сотне метров от нас. Его маршрут явно уходил за холм, под которым располагался бункер. Двухчасовой, наоборот, возвращался из-за холма.

— Где остальные? Должно же быть восемь. — озадаченно поинтересовался Голев.

— Пока что вижу только этих, — сказал ТэТэ.

— Значит, сейчас рассредоточимся, — приказала Шмидт. — Тэ, на тебе «двухчасовой», Влад, я разберусь с «двенадцатичасовым», Стас, займёшься самым ближним, лады? Термит пока будь здесь.

ТэТэ нарисовал нам тактические маршруты — линии на карте местности, по которым нужно идти, чтобы незаметно обойти наших противников. По ним выходило так, что первым действовать нужно было мне, так как «десятичасовой» противник создавал помехи для продвижения моим товарищам.

Я снял с крепления Стойкую, перевёл в режим одиночных, активировал глушитель и, пригнувшись, затрусил по маршруту.

— Переключаемся на радио, — продолжала командовать Шмидт. — Тэ, что с биомониторами.

— Подавляю.

Это они о биомониторах на костюмах альянсовцев. Они связаны с системой безопасности, которая работает где-то в недрах бункера. Если какой-то из биомониторов на костюме альянсовца сообщит о терминальных изменениях в показателях, система поднимет тревогу. Шмидт вместе с ТэТэ научились перехватывать эти сигналы и кормить систему фальшивыми данными. Полезная штука, особенно когда тебе надо подобраться к объекту с охраняемым периметром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.